

16. *Рогачев, Д.И.* Модернизация правового регулирования труда спортсменов и тренеров / Д.И. Рогачев // Спортивное право: теория и практика: материалы Международ. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 сент. 2002 г. — Минск, 2002.

17. *Доморад, О.В.* Правовой статус спортсменов / О.В. Доморад // Отдел кадров. — 2009. — № 8.

18. *Сойфер, В.Г.* Трудовое и гражданское законодательство в регулировании трудовых отношений / В.Г. Сойфер // Законодательство и экономика. — 2005. — № 9.

*Статья поступила
в редакцию 22.05. 2014 г.*

Е.В. АНАНЕВИЧ

РОЛЬ СОГЛАШЕНИЯ УЧАСТНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Действующее законодательство Республики Беларусь в настоящее время содержит многие правовые институты, дающие возможность участникам общественных отношений в хозяйственных обществах наиболее оптимальным образом осуществлять, а в необходимых случаях, и защищать свои права и интересы. Это — институт независимых директоров, крупных сделок и сделок с заинтересованностью, аффилированных лиц, кумулятивного голосования, преимущественных прав и др. В зарубежных правовых системах для этих целей давно применяется институт соглашений участников (акционерных соглашений). Белорусскому законодательству о хозяйственных обществах правовой институт соглашений участников незнаком. Поэтому вопросы изучения правового института соглашений участников представляют как научный, так и практический интерес. В рамках настоящей статьи предпринята попытка проанализировать роль соглашения участников в хозяйственных обществах, а также выявить основные аспекты теоретико-правового характера, которые следует принимать во внимание при решении вопроса об имплементации института соглашения участников в отечественное законодательство.

На сегодняшний день исследования института соглашения участников (акционерных соглашений) ведутся преимущественно в двух плоскостях — правовой и экономической. Анализ юридических аспектов данного правового института осуществляется в контексте проблематики роли соглашений в корпорациях (компаниях) закрытого типа (так называемые *closely held corporations*), а также исполнения отдельных видов соглашений участников. Следует отметить, что в российской правовой доктрине соглашения участников рассматриваются в рамках общетеоретических проблем правовой сущности (субъектный состав, предмет, соотношение с учредительными документами, меры ответственности за нарушение и др.).

В западной правоприменительной практике заключаемые соглашения участников характеризуются большим видовым разнообразием. Как правило, это договорные обязательства, в которые вступают участники корпорации (компании) с целью формализовать порядок взаимодействия между собой при необходимости принятия наиболее важных для общества решений и разрешения возможных противоречий посредством процедур, находящихся за рамками непосредствен-

Елена Владимировна АНАНЕВИЧ, ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета.

ного процесса управления компанией (корпорацией) [1, 12]. Данные договорные конструкции могут содержать ряд следующих типичных положений: условия, относящиеся к голосованию определенным образом по определенным вопросам (voting agreements); положения об управлении (provisions of control); ограничения на отчуждение акций (долей) (restrictions on the transfer of share), как, например, право преимущественной покупки (right of first refusal), право остальных акционеров требовать у покупателя акций другого акционера покупки всех акций полностью (piggyback rights) и др.; условия, направленные на разрешение «тупиковых ситуаций» («deadlock provisions») и др. [2, 117–119].

В правовой доктрине используются различные классификации соглашений участников. Классическим примером классификации соглашений участников выступает деление shareholder's agreements на соглашения: координирующие акционеров в процессе голосования (voting agreements); устанавливающие и предоставляющие право вето для отдельного акционера или группы акционеров в отношении решений общего собрания акционеров (veto agreements); определяющие модели поведения участников в целях выхода из «тупиковых ситуаций», когда ни один из участников не может или не обладает решающим контролем в компании (корпорации); детализирующие вопросы перехода акций (долей) [3]. Например, Р.М. Леон выделяет две крупные группы соглашений участников: 1) соглашения, затрагивающие принятие решений самими участниками, которые, в свою очередь, включают: «pooling agreement» — договор, предусматривающий согласованный порядок голосования по отдельным вопросам; «proxy agreement» — договор, в рамках которого происходит передача права голосования другому акционеру или третьему лицу; «voting trusts» — соглашения, основанные на институте доверительной собственности и предполагающие перевод правового титула акционера на доверительного собственника, который голосует в соответствии с условиями трастового соглашения; 2) соглашения, касающиеся управления компанией (корпорацией) — это упоминаемые выше договоры по поводу разрешения тупиковых ситуаций, права вето для отдельных участников, дивидендной политики и вопросов распределения активов и прибыли компании, передачи пакетов акций между акционерами и любых других вопросов, затрагивающих отношения между акционерами [4].

В системе общего права (США, Англия, Австралия) либо в смешанных правовых системах (ЮАР, Канада) соглашения участников в целом используются в двух основных направлениях: 1) для закрепления договоренностей между акционерами, как правило крупными, и инвестором(ами) с целью обеспечения управления совместным предприятием за счет создания эффективного механизма согласования их интересов; 2) для эффективного осуществления и защиты прав миноритарных участников.

Отметим, что в системе континентального права отношение к данному правовому институту является весьма сдержанным. Определенное признание и узкое применение на практике получили в основном соглашения участников, определяющие совместное голосование. Так, немецкая, австрийская, французская правовые доктрины и правоприменительная практика на сегодняшний день стабильно признают такие договорные конструкции в качестве обладающих обязательно-правовой природой и имеющих минимальное влияние на организационно-управленческую структуру компаний (акционерных обществ) [5, 334; 6, 72; 7, 161]. Показательным в этом отношении является пример Швейцарии, где договор акционеров определяется как договор между двумя и более лицами, регулирующий порядок осуществления права голоса, устанавливающий ограничения на отчуждение акций [8].

Практика заключения соглашения участников (акционеров), уже давно успешно используемая в западных правовых системах, отечественному за-

конодательству либо в принципе незнакома (в части легального закрепления) (Республика Беларусь), либо воспринимается весьма скептически, несмотря на легитимацию (Российская Федерация), к данному виду соглашений [9]. Так, российская практика применения данного договорного института прошла путь от полного его отрицания вследствие отсутствия соответствующих норм в законодательстве до его введения в 2009 г. [10]. Вместе с тем, в отличие от общемировых тенденций, в России соглашения участников используются в основном не для защиты миноритариев, а, скорее, наоборот — в целях создания гарантий для крупных участников (акционеров) в рамках процедур слияний и поглощений. Также наиболее типичные ситуации применения соглашений участников — это так называемые венчурные проекты, когда происходит привлечение стратегического инвестора, а в обмен на осуществление финансирования последнему предоставляется определенный объем контроля над бизнесом. В целом же случаи формирования пакета акций, предоставляющего квалифицированное большинство либо меньшинство, посредством заключения упомянутых выше соглашений о совместном голосовании, весьма редки.

Следует отметить еще один немаловажный аспект: в основе всех ключевых аспектов реализации механизма таких соглашений лежат концептуальные особенности, присущие исключительно той или иной системе частного (гражданского) права. Так, практика в США и Англии, хотя и признает за соглашениями участников обязательственно-правовую природу, все же склонна рассматривать такие договоры как корпоративный инструмент, призванный восполнить существующий недостаток контроля со стороны акционеров, поскольку объем полномочий последних в рамках общего собрания акционеров значительно уже совета директоров. Использование же договорного механизма для этих целей обусловлено спецификой теоретического понимания природы корпорации (компании) в системе общего права как фикционного правосубъектного образования, основанного на договоре участников, и влиянием учения об экономическом анализе права на степень императивности правового регулирования отношений в корпорации (компании).

В западно-европейской традиции краеугольным принципом исторически выступает защита кредиторов и миноритариев, что, безусловно, смещает акцент в правовом регулировании в сторону высокой императивности законодательства и минимально возможного использования договорных механизмов для решения вопросов организации управления в компаниях и осуществления и защиты прав участников.

Отечественный правопорядок помимо тесной концептуальной связи с континентальной системой права с ее четкой ориентацией на общетеоретические системные обобщения и построения продолжает испытывать на себе последствия развития системы гражданского права советского периода, когда функционирование плановой экономики, по сути, сводилось к существованию только государственных предприятий, что соответствующим образом сказалось и на теоретических подходах к правовому регулированию — минимальное присутствие принципа частной автономии и стремление охватить все аспекты деятельности нормами административного и трудового законодательства. Соглашение участников — это конструкция, по существу являющаяся прямым проявлением действия принципа автономии воли. Один же из самых глубоких концептуальных вопросов отечественного законодательства о хозяйственных обществах — преобладающий общий ограничительный режим правового регулирования отношений в хозяйственных обществах. Несмотря на общую диспозитивность, лежащую в основе парадигмы гражданского права (а нормы, регулирующие отношения участников в хозяйственных обществах, являются частью гражданского права), при решении вопросов правового ре-

гулирования отношений участников действующее белорусское законодательство исходит из презумпции императивности как в отношении непризнания института соглашений участников, так и относительно пределов и форм осуществления отдельных прав участников. Правовые нормы о хозяйственных обществах, регламентирующие порядок и процедуру голосования при принятии управленческих решений, возможные варианты перехода долей, акций и т. п., в принципе, не допускают возможности отклонения от установленных законодателем вариантов осуществления конкретных прав участников. Поэтому многие проблемные аспекты введения и применения института соглашений участников — это, по сути, проблема определения границ действия принципа частной автономии в сфере правового регулирования отношений в хозяйственных обществах.

Проведенный нами анализ наиболее общих аспектов применения института соглашений участников в различных странах призван продемонстрировать, что данное соглашение регулирует не просто взаимодействие инвесторов в управлении совместным бизнес-проектом либо защищает миноритариев. Такие договоры — это всегда уникальный правовой инструмент, позволяющий, как правило эффективно, выстроить такую систему управления и контроля в хозяйственном обществе (корпорации, компании), которая бы отражала специфику конкретного реализуемого бизнес-проекта, индивидуальные потребности сторон с учетом различия между их материальными и нематериальными вкладами и ролями. Следовательно, полагаем обоснованным тот факт, что соглашение участников можно рассматривать в качестве специфического правового механизма осуществления (защиты) прав участников. Поэтому, на наш взгляд, особый интерес представляет собой роль и место таких соглашений в части изучения форм и способов осуществления (защиты) прав участников в хозяйственном обществе.

Современной тенденцией в области правовой регламентации вопросов реализации (защиты) прав участников является рост саморегуляции этих процессов [11, 16; 12, 17]. Как правило, это связывается с действиями акционеров, направленными на участие в процессе создания и утверждения локальных правовых актов хозяйственных обществ [13, 103]. Что касается института соглашений участников, то здесь саморегулятивный элемент присутствует в наибольшей степени. Поэтому на уровне фундаментальных правовых исследований, касающихся вопросов осуществления и защиты прав участников, весьма часто данное соглашение ставится в один ряд с таким институтом, как самозащита прав участников, и рассматривается как проявление неюрисдикционной формы защиты субъективных прав [14, 10; 15, 93]. Думаем, что наличие элемента самостоятельности можно рассматривать в качестве объединяющей характеристики указанных правовых институтов, но, вместе с тем, соглашение участников и самозащита прав весьма специфичны по своей правовой природе и обладают целым рядом различий.

Прежде всего следует оговориться, что понимание самозащиты и ее признаков во многом зависит от концептуальных подходов, которых придерживается тот или иной ученый. Однако же в целом проведенный анализ правовой доктринальной литературы показывает, что к характерным чертам самозащиты прав можно отнести следующие аспекты. Самозащита прав — это, как правило, всегда активная форма поведения субъекта, т. е. действия. В отечественной правовой науке стало классическим представление о непосредственном, фактическом характере таких действий. В определенной степени такой подход основан на теории оперативных мер, предложенной В.П. Грибановым. Согласно последней, самозащита допускается исключительно в недоговорных отношениях, а в договорных — действия по несудебной защите следует име-

новать мерами оперативного воздействия, которые обладают отличной от самозащиты правовой природой, что не позволяет их рассматривать как видовое понятие к мерам самозащиты [16, 107]. В настоящее время фактический характер действий субъекта права в рамках самозащиты является преобладающим в научной литературе [17, 67; 18, 249]. Хотя встречается и противоположная точка зрения — о возможности юридического характера действий субъекта по самозащите своих прав, в основе которой, как правило, широкое понимание самозащиты гражданских прав, включающее в себя разнообразные самостоятельные действия заинтересованного лица, осуществляемые им помимо воли нарушителя его права, без обращения к судебным и административным органам [19, 94]. Применительно к соглашению участников признание такового в качестве самозащиты прав участников возможно только в случае признания юридического характера самозащитных действий, поскольку заключение, исполнение договора между участниками — всегда правовые действия. Далее, основные отличительные признаки самозащиты — это общедозволительный режим осуществления права на самозащиту; правомерность действий по самозащите; факт уполномоченности лица, действующего в рамках самозащиты; отрицание активного (агрессивного, наступательного) характера самозащиты; спровоцированность осуществления самозащитных действий; исключительный характер (т. е. отсутствие возможности применения иных мер защиты права); неблагоприятный характер воздействия на нарушителя прав при самозащите (однако не имеющий дополнительного обременения в отношении лица, к которому такое воздействие применяется) и др. Большинство этих черт связаны с пониманием самозащиты в узком контексте действий в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. Действия по самозащите прав согласно доктрине и законодательству (ст. 13 Гражданского кодекса Республики Беларусь) направлены на предупреждение или пресечение нарушения субъективного права, т. е., как правило, осуществляются лишь в случае нарушения или реальной угрозы нарушения субъективного гражданского права [20]. Вместе с тем признание возможности заблаговременных самозащитных действий по предотвращению самой возможности возникновения реальной угрозы такого нарушения до сих пор носит дискуссионный характер. Так, О.П. Зиновьева отмечает, что «...самозащитные действия направлены на прекращение нарушения, а не на его предотвращение... Самостоятельными действиями, не связанными с физическим воздействием на нарушителя или его имущество (например, сделками) можно обезопасить себя от возможного нарушения в будущем... или минимизировать последствия нарушения... Однако подобные действия не могут пресечь, остановить нарушение» [17, 73]. Противоположной точки зрения придерживаются Л.В. Белова, В.А. Витушко и др. [18, 253]. В частности, Л.В. Белова, исследуя проблемы защиты экономических интересов, подчеркивала, что «защита экономического интереса проводится не только в случаях, когда такой интерес уже нарушен, но и в ситуации, когда его носитель... принимает законные меры для предотвращения (предупреждения) противоправных действий со стороны других лиц» [21, 15]. Что касается соглашений участников, то здесь одним из основных аспектов выступает именно превентивный характер: механизм такого соглашения призван таким образом урегулировать взаимодействие участников по поводу осуществления их прав, чтобы значительно минимизировать возможные риски возникновения конфликтов в будущем. Если такая ситуация все же случится, то соглашение оговаривает возможные процедуры и способы выхода из нее. Принципиальным моментом выступает односторонний порядок самозащитных действий, т. е. последние осуществляются независимо от воли и желания другой стороны. Механизм соглашения участников носит совер-

шенно противоположный характер: здесь изначально, поскольку речь идет о договорной конструкции, предполагается согласование воли участников в отношении возможных вариантов и границ осуществления прав, а также выбора способов и средств защиты в случае возникновения конфликта интересов. Таким образом, элемент согласованности (определенности возможных форм поведения участников в будущем) является одной из ключевых специфических черт соглашения участников в контексте исследования проблем осуществления и защиты их прав. Более того, следует еще раз напомнить, что договор между участниками — всегда гибкий и достаточно эффективный инструмент реализации и защиты их прав, позволяющий с учетом требований законодательства создавать различные модели и процедуры разрешения потенциальных спорных ситуаций, принимая во внимание индивидуальные, часто весьма специфические, особенности конкретного бизнес-проекта и его участников. Поэтому соглашение участников в плоскости анализа проблем осуществления и защиты субъективных прав может рассматриваться в качестве правовой формы, в которую облакается индивидуализированный участниками порядок (процедура, модель) осуществления и защиты своих прав. Последний аспект, позволяющий говорить о соглашении участников как своеобразном (*sui generis*) варианте неюрисдикционной формы защиты прав.

Актуальность исследования правового регулирования отношений, возникающих из соглашений участников, определяется, прежде всего, тем, что данный договорной институт неизвестен отечественному праву. Полагаем, что введение данного вида соглашений в белорусскую практику откроет возможность для участников хозяйственного общества осуществлять и защищать свои права на договорном уровне, что значительно повысит эффективность и гибкость механизма реализации и защиты прав участников. Рассмотрение соглашения участников в плоскости проблематики осуществления и защиты прав позволило выявить ряд специфических элементов данного правового механизма как неюрисдикционной формы защиты прав: самостоятельность (саморегуляция), превентивность, согласованность, возможность построения индивидуализированной модели (порядка) взаимодействия по вопросам реализации (защиты) прав. Вместе с тем имплементация института соглашения участников в белорусское законодательство должна осуществляться выверено, с учетом концептуальных особенностей национальной системы гражданского права и реалий отечественного рынка, а именно: преобладания закрытого типа хозяйственных обществ, принципа защиты прав миноритариев, необходимости учета интересов мажоритариев в силу концентрированности акционерного капитала, а также исторически обусловленного ограничения частной автономии (договорной свободы).

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Степкин, С.П.* Гражданско-правовой институт акционерных соглашений / С.П. Степкин. — М.: РГГУ, 2011.
2. *Chelma, G.* An Analysis of shareholder agreements / G. Chelma, M. Habib, A. Ljungqvist // Journal of the European Economic Association. — 2007. — № 3.
3. *Quack, C.H.* Shareholder agreements in canadian close corporations / C.H. Quack // McGill University digitool library [Electronic resource]. — Montreal, 2012. — Mode of access: <http://www.McGillUniversitydigitool.library.mcgill.ca/thesisfile62560.pdf>. — Date of access: 04.01. 2013.
4. *Leon, R.M.* Shareholders' agreements in close corporations and their enforcement / R.M. Leon // Digital commons Georgia law [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.digitalcommons.law.uga.edu/stu_llm/89. — Date of access: 06.05. 2013.
5. *Meier-Hayoz, A.* Schweizerisches GeseUschaftsrecht / A. Meier-Hayoz, P. Forstmoser. — Bern: Zehnte Aufl, 2007.
6. *Kalls, S.* Osterreichisches Gesellschaftsrecht / S. Kalls, Ch. Nowotny, M. Schauer. — Wien, 2008.

7. Arlt, M.-A. Franzosische Aktiengesellschaft / M.-A. Arlt. — Wien, 2006.
8. *Инеджан, Н.* Договоры акционеров по швейцарскому праву / Н. Инеджан, Ж. Монмолин, Д. Пенцов // Корпоративный юрист. — 2007. — № 10. — С. 11–17.
9. О хозяйственных обществах: Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07. 2010 г., № 168-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2010. — № 183. — 2/1720.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»: Федер. закон Рос. Федерации, 3 июня 2009 г., № 115-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013. — Дата доступа: 02.06. 2013.
11. *Грибкова, Т.В.* Акционерное соглашение как средство правового регулирования корпоративных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Грибкова; Рос. акад. народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2011. — 25 с.
12. *Гурьев, В.Н.* Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Н. Гурьев; Рос. акад. интеллектуал. собственности. — М., 2012. — 26 с.
13. *Рублев, В.* Понятие и правовая характеристика акционерного соглашения как гражданского правового договора / В. Рублев // Современ. право. — 2010. — № 9.
14. *Русанова, В.А.* Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.А. Русанова; Моск. гос. ун-т. — М., 2012. — 28 с.
15. *Арутюнова, К.Г.* Способы защиты от «недружественных поглощений» в гражданском праве России и США: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.Г. Арутюнова. — М., 2010. — 222 л.
16. *Грибанов, В.П.* Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. — 2-е изд., стер. — М.: Статут, 2001.
17. *Зиновьева, О.П.* Самозащита гражданских прав в законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.П. Зиновьева. — Ростов н/Д, 2006. — 166 л.
18. *Витушко, В.А.* Курс гражданского права. Общая часть: науч.-практ. пособие: в 2 т. / В.А. Витушко. — Минск: БГЭУ, 2001–2002. — Т. 2.
19. *Микшис, Д.В.* Самозащита в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д.В. Микшис. — Тюмень, 2006. — 175 л.
20. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01. 2013 г., № 16-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2013. — № 2. — 2/2014.
21. *Белова, Л.В.* Правовые средства и формы защиты экономических интересов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л.В. Белова; Казан. гос. ун-т. — Казань, 2006. — 27 с.

Статья поступила в редакцию 23.12. 2013 г.

С.Г. МУХИН

ОПРЕДЕЛЕНИЕ САМОЗАЩИТЫ КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Право на защиту — это самостоятельное гражданское право, закрепленное в Конституции Республики Беларусь и в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее — ГК). Как граждане, так и юридические лица имеют право на защиту своих гражданских прав. Таковая защита может осуществляться как со стороны государства в лице его органов, так и сами-

Сергей Геннадьевич МУХИН, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□.
 □□□□□□□□.
 □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.